

ПОИСК ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОТ МОНОКАУЗАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ К ПОЛИКАУЗАЛЬНЫМ

ЕКИМОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Центра макроэкономических исследований,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: n.ekimova@bk.ru

В статье проведен критический анализ современных теорий экономического роста и социального развития общества. В качестве ключевых рассмотрены теории таких зарубежных и российских исследователей, как Дж. Даймонд; Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсон; К. Вельцель; Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст; Т. Пикетти; Н. Талеб; Э. Фромм; С. Кирдина-Чэндлер; В. Полтерович, Е. Балацкий. Показано, что современные теории условно можно разделить на две группы: монокаузальные, выделяющие роль доминирующего фактора в развитии общества, и поликаузальные, изучающие взаимное влияние разнородных факторов. При этом в ходе анализа обосновано, что теории, претендующие на роль монокаузальных, по сути таковыми не являются, поскольку наряду с доминирующим фактором изучают влияние на эволюцию общества и остальных групп факторов и экономических механизмов. Критический анализ современных концепций развития, с точки зрения их потенциальной возможности рассматривать с единых позиций разнообразные социальные изменения на длительных временных отрезках, позволил определить среди них наиболее перспективные. Показано, что продуктивным синтезом всех учений выступает теория циклов принуждения Полтеровича–Балацкого, дополненная концепцией постоянных и переменных факторов развития. Её дальнейшее развитие может послужить основой для построения обобщенной модели экономического роста, что позволит претендовать ей на роль общей теории развития, увязывающей все факторы эволюции общества.

Ключевые слова: экономический рост; социальное развитие; цивилизация; институты; культура; технологии; капитал; циклы.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2019 г. по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (AAAA-A19-119080990043-0).

IN SEARCH OF SOCIAL DEVELOPMENT FACTORS: FROM MONOCAUSAL CONCEPTS TO POLYCAUSAL

NATALIA A. EKIMOVA,

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher,
Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
e-mail: n.ekimova@bk.ru

In the article a critical analysis of modern theories of economic growth and social development of the society is provided. As the key ones are considered such theories of foreign and Russian researchers as J. Diamond, D. Acemoglu and J. Robinson; Ch. Welzel; D. North, J. Wallis and B. Weingast; T. Piketty; N. Taleb; E. Fromm; S. Kirdina-Chandler; V. Polterovich, E. Balatsky. There is shown that modern theories conditionally can be divided into two groups: monocausal, emphasizing the role of the dominant factor in the development of society, and polycausal, studying the mutual influence of heterogeneous factors. Meanwhile, during the analysis it was substantiated that theories, claiming to be monocausal, in fact are not such ones. That happens because along with the dominant factor they study the influence of other groups of factors and economic mechanisms on the evolution of society. The critical analysis of modern theories of the development from the point of view of their potential to consider from a single position a variety of social changes over long time periods allowed to identify among them the most perspective ones. It is shown that the theory of cycles of coercion Polterovich–Balatsky, supplemented by the concept of constant and variable factors of development, is a productive synthesis of all teachings. The further development of the theory can serve as the base for creating the generalized model of economic growth which will allow it to claim the role of a general development theory, linking all the factors of the evolution of society.

Keywords: economic growth; social development; civilization; institutions; culture; technology; capital; cycles.

JEL: B52, O10

Введение

Сегодня в мире происходит очередное переосмысление феномена экономического роста. Во многом это связано с тем, что в последние два десятилетия наблюдается замедление темпов роста мировой экономики и ухудшение настроений на финансовых рынках. Один из ключевых вопросов, который волнует современных исследователей, заключается в поиске источников развития экономики и поддержания высоких темпов ее роста.

Для того чтобы понять, как и куда двигаться дальше и какие резервы развития использовать в будущем, ученые все чаще обращаются к опыту прошлых лет, который сегодня, когда мир фактически пребывает в стадии своеобразной неомальтузианской ловушки (Балацкий, 2019а), актуален как никогда. Знание механизмов цивилизационных сдвигов, имевших место в истории, и выбор главных эволюционных детерминант может помочь мировой экономике выйти на возрастающий тренд.

На сегодняшний день уже имеется определенный багаж знаний и концепций социально-экономического развития, которые исследуют историю цивилизаций сквозь призму ключевых событий, оказавших принципиальное влияние на дальнейшее эволюционное развитие общества. Все ключевые концепции современности, с одной стороны, претендуют на роль монокаузальных, с другой – они, строго говоря, таковыми не являются. Тем не менее, ни одна из существующих теорий не способна объяснить всю палитру социальных и технологических сдвигов в истории цивилизации.

Задача данного исследования состоит в изучении и критическом анализе имеющихся концепций с точки зрения их потенциальной возможности рассматривать с единых позиций разнообразные социальные изменения на длительных временных отрезках и претендовать на звание «общей теории развития» (ОТР), увязывающей все факторы эволюции общества, а также в определении среди них наиболее перспективных.

Анализ современных теорий экономического роста и развития

Прежде чем непосредственно перейти к изучению и анализу существующих теорий, отметим, что в настоящее время их все условно можно разделить на две группы: монокаузальные и поликаузальные. Принципиальным различием этих групп является то, что первые рассматривают процесс эволюции как следствие влияния определенного фактора, воздействие которого сыграло ключевую роль в развитии общества. Такой подход позволяет выделить среди теорий те, в которых в качестве доминирующих выступают природные факторы (география и т.п.), и те, где преобладают социальные индикаторы (институты, культура, технологии и др.). Поликаузальные теории изучают эволюционные процессы с точки зрения совместного влияния и взаимодействия различных групп факторов (см. рис. 1).

Рис. 1. Современные теории экономического роста и развития общества

Рассмотрим подробнее представленные на рис. 1 теории экономического роста и социального развития общества и определим наиболее перспективные из них.

Природные детерминанты экономического роста и развития

Среди теорий, которые во главу развития общества ставят природный фактор, наиболее обоснованной и впечатляющей масштабностью эмпирической базы исследования представляется «географическая» теория Дж. Даймонда. Именно природные факторы, по мнению Дж. Даймонда, сыграли решающую роль в опережающем развитии Евразийского континента (Даймонд, 2017; Полтерович, 2018а). В своем исследовании ученый выделяет четыре ключевые группы природных детерминант, оказавших принципиальное влияние на эволюционное развитие мира.

Первая связана с удачным расположением континента, а точнее, с его пространственным распределением вдоль географических параллелей. Это позволило без существенных трудностей (например, преодоление естественных климатических перепадов) распространять сельскохозяйственные инновации. На определенном историческом этапе данное преимущество послужило существенным бонусом Евразии, поскольку дало возможность активно тиражировать появлявшиеся новшества в сфере растениеводства и животноводства без существенных препятствий. Кроме того, опережающему развитию Евразийского континента способствовали отсутствие каких-либо серьезных природных барьеров (пустыни, непроходимые топи, опасные насекомые и т.п.) и географическая открытость Евразии, выделенные Дж. Даймондом в качестве второй группы факторов. Преимущества в численности населения и площади представляют собой третью группу эволюционных детерминант Евразии.

Указанные группы факторов содействовали тому, что именно в Евразии сложился самый большой генофонд домашних животных: в настоящее время там распространено 13 из 14 существующих ныне видов (четвертая группа факторов), а также возникли конкурирующие сообщества и условия для распространения продуктовых инноваций.

Теорию Дж. Даймонда, как никакую другую, можно было бы отнести к монокаузальной. Однако, несмотря на приверженность «географическому детерминизму», в его концепции присутствуют и другие индикаторы развития. Например, экономические детерминанты в форме рационального выбора и конкуренции, которые представляют собой не что иное, как характер взаимодействия людей, или институт. Это позволяет идентифицировать концепцию Дж. Даймонда как монокаузальную «географическую» теорию с элементами институционализма.

При всех достоинствах данной теории она скорее направлена на описание и объяснение тысячелетних эволюционных трендов прошлого и плохо приспособлена к изучению современных трендов. Это связано с сокращением по мере развития общества роли географического и биологического факторов на фоне возрастания социальных детерминант, в то время как концепция Дж. Даймонда раскрывает генезис лидерства преимущественно с позиций первых. «Географическая» теория не позволяет объяснять успех стран, достигнутый в XX и XXI вв., когда на первое место вышел фактор человеческих отношений. В этом состоит ограниченность концепции Дж. Даймонда, которая не позволяет претендовать ей на роль общей теории развития.

В вопросе о главенстве природных факторов на ранних стадиях развития общества на позиции Дж. Даймонда встает С. Кирдина-Чэндлер, которая, будучи социологом и автором теории институциональных матриц, признает, что формирование того или иного типа институтов происходит под влиянием конкретных географических характеристик (Кирдина-Чэндлер, 2018).

В доказательство данного тезиса автор приводит исследование институциональной среды 65 стран мира, обеспечивающих 90% мирового ВВП, в котором показывает, что на территориях с относительно благоприятными климатическими условиями (оптимальная температура воздуха, низкий уровень осадков, невысокие риски природных катастроф) складываются государства с доминированием институциональных моделей с преобладанием конкурентных механизмов (так называемые рыночные, или западные).

В противном случае формируются институциональные модели с акцентом на административные модели взаимодействия (нерыночные, или не-западные) (*Кирдина-Чэндлер, 2018*).

Таким образом, по мнению С. Кирдиной-Чэндлер, географический фактор является предопределяющим в формировании институтов. При переходе к каждой новой стадии развития того или иного общества сохраняется преемственность институциональных достижений прошлых лет, зародившихся именно под влиянием определенных климатических условий.

Несмотря на убедительность доказательной базы, концепция С. Кирдиной-Чэндлер, также как и теория Дж. Даймонда, плохо объясняет формирование институциональных систем, например, в странах поздней индустриализации. Вероятно, это связано с тем, что для них характерна определяющая роль экзогенных факторов развития и практика заимствования институциональных и технологических знаний, что в конечном счете оказывает ключевое влияние на формирование институциональной среды в данных странах (например, в Австралии). Данный факт позволяет говорить об отсутствии универсальности в концепции С. Кирдиной-Чэндлер и проблематичности ее отнесения к общей теории развития.

Институциональный фактор как главный фактор развития

Противостоят концепциям Дж. Даймонда и С. Кирдиной-Чэндлер теории, в которых делается акцент на приоритете институционального фактора в развитии общества. В частности, теория инклюзивных институтов Д. Аджемоглу¹ и Дж. Робинсона, концепция насилия Норта-Уоллисса-Вайгаста, а также концепция социальной ответственности Н. Талеба. Кратко остановимся на этих теориях.

Согласно концепции Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, экономические достижения той или иной системы определяются характером доминирующих в ней институтов. Так, прогресс и развитие системы продуцируется действием инклюзивных институтов, тогда как стагнация в развитии связывается с преобладанием экстрактивных институтов (*Аджемоглу, Робинсон, 2017*). При этом инклюзивные институты представляют собой такие правила игры, при которых в экономической жизни страны активно участвует большое количество людей, которым предоставляются широкие возможности использовать свои таланты и навыки, продвигаясь по социальному лифту вверх. Экстрактивные институты направлены на эксплуатацию одной части общества с целью обогащения другой. Фактически, эксплуатируемая часть населения лишена продуктивной возможности использования имеющегося у него человеческого капитала.

Наложение вышесказанного на загадку богатства народов позволяет предположить, что к обогащению и процветанию общества ведут именно инклюзивные институты, эффективно использующие человеческий капитал и творческую энергию работников, тогда как экстрактивные институты, напротив, приводят к постепенному обнищанию и социальной напряженности.

Данная теория, как и рассмотренная выше концепция Дж. Даймонда, не является полностью монокаузальной, поскольку зачастую в ней в качестве причин формирования институтов рассматриваются географический и культурный факторы. Например, формирование в XVII в. инклюзивных институтов в Северной Америке в крайне невыгодных географических условиях и постоянной борьбе с непокорным индейским населением в противоположность экстрактивным институтам Латинской Америки, на развитие которых оказали влияние благоприятные природные условия и отсутствие острой конкурентной борьбы (*Аджемоглу, Робинсон, 2017*). Примером первичности культурного фактора является рассмотренный Аджемоглу и Робинсоном

¹ В русскоязычной литературе встречается две версии перевода фамилии D. Acemoglu – Аджемоглу и Асемоглу. В данной статье будем придерживаться первого перевода.

процесс формирования институтов в Южной и Северной Корее, на который, по мнению авторов, повлиял приход к власти абсолютно разных лидеров, поддерживаемых диаметрально противоположными на тот момент политическими системами (США и СССР) (Аджемоглу, Робинсон, 2017).

Концепцию Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона можно считать серьезным продвижением вперед, однако она не может претендовать на роль общей теории развития в связи с тем, что у нее имеется ряд недостатков. Во-первых, несмотря на то, что концепция инклюзивных институтов хорошо объясняет процессы в современном обществе, она не годится для понимания прошлого. Во-вторых, она не дает видения будущего. Во-третьих, данную концепцию сложно назвать оригинальной, поскольку на сегодняшний день имеются теории, по крайней мере, очень близкие к концепции инклюзивных институтов.

В частности, можно провести параллель с институциональной теорией насилия Норта-Уоллиса-Вайнгаста (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012), в которой выделены два способа организации общества. Первый, эквивалентный понятию инклюзивных институтов в теории Аджемоглу и Робинсона, представляет собой зрелое государство с порядком свободного доступа (ПСД). Второй – естественное государство с порядком ограниченного доступа (ПОД), являющееся аналогом экстрактивных институтов. Экономические успехи или неудачи любой системы зависят от того, какие в ней доминируют институты – ограниченного или свободного доступа. Государство с ПСД, как и инклюзивные институты, способствует творческому развитию как отдельных личностей, так и общества в целом, в то время как ПОД сдерживает активное экономическое и социальное развитие человеческого капитала. Согласно теории Норта-Уоллиса-Вайнгаста, подобный тип институциональной конфигурации существует более 10 тыс. лет и к нему тяготеют все остальные институциональные конструкции (Норт и др., 2011).

Несколько иной подход к развитию любой системы заложен в концепции социальной ответственности Н. Талеба, в которой в качестве главного фактора прогресса рассматриваются риски, а точнее – принцип шкуры на кону (ПШК) (Талеб, 2018). Этот известный с древности принцип заключается в том, что принимать какие-либо решения могут только те, кому есть чем рисковать. В противном случае человек должен быть устранен от процесса управления, поскольку отказ от ПШК ведет к отсутствию ответственности у лица, принимающего решение, и перекладыванию рисков за его последствия на других людей. А это может грозить миру социальной катастрофой.

Талеб утверждает, что «принцип шкуры на кону держит человеческую спесь под контролем» (Талеб, 2018, с. 35). Тем самым он определяет его в качестве ключевого института и эволюционного принципа в современном обществе. С одной стороны, данный подход уменьшает свободу отдельной личности, однако, с другой стороны, он способствует повышению стабильности всей системы и снижает риски принятия неадекватных управленческих решений.

Несмотря на оригинальность концепции Н. Талеба, у нее прослеживается четкая связь с теориями Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, а также Норта-Уоллиса-Вайнгаста. В частности, практика переноса рисков с элиты на население характерна для государств с порядком ограниченного доступа (или экстрактивными институтами). В таких странах (как правило, речь идет о развивающихся странах) наблюдается высокая степень расхождения рисков различных слоев населения и социальной несправедливости устройства общества.

Главным недостатком суждений Н. Талеба, несмотря на их логичность и простоту, является отсутствие оцифровки и интеграции в современный аналитический инструментарий. Однако не исключено, что в ближайшее время данная работа будет развернута в самом широком диапазоне.

Технологический фактор и его отражение в концепции Т. Пикетти

Лежащая в основе концепции, развитой французским экономистом Тома Пикетти в работе (*Пикетти, 2016*), аналитическая схема является во многом нетипичной для современных экономических теорий. Её суть можно выразить так: элементарная теория плюс метод стилизованных фактов. Главной теоретической конструкцией концепции Пикетти является формула связи темпов экономического роста и доходности капитала, все остальное – массивы цифр и стилизованные примеры (кейсы).

В основе теории Пикетти лежит капитал, под которым он понимает все экономические активы, получившие рыночную оценку. В своей работе он подробно анализирует три закона капитализма, из которых первые два являются скорее авторским уточнением существующих законов, тогда как третий – оригинальная трактовка автора, сформулированная им на основе обобщения многолетних эмпирических наблюдений.

Первый закон капитализма, по своей сути совпадающий с законом К. Маркса о тенденции к понижению нормы прибыли, вводится Пикетти для иллюстрации тезиса «избыток капитала убивает капитал». Опираясь на этот закон, Т. Пикетти показывает, как в начале XX в. европейский капитал в поисках большей доходности провоцировал передел мира посредством войн, а возникшее неравенство и несправедливость в распределении доходов привели к возникновению социалистического строя.

Второй закон по Пикетти фактически дает ответ на вопрос, чем грозит миру формирующийся в последнее время переход в режим низких темпов экономического роста. По мнению Пикетти, при замедлении темпов экономического роста масса накапливаемого капитала растет, а следовательно, «охлаждение» экономики рано или поздно приведет к обострению проблемы накопления избыточного капитала и снижению его доходности, что в свою очередь чревато войнами и революциями.

Если первый и второй законы капитализма в общем виде очерчивают риски и угрозы современному миру со стороны капитала, то, формулируя третий закон капитализма, Пикетти уточняет эти проблемы и раскрывает ключевое противоречие капитализма. Суть третьего закона Пикетти выражается неравенством (1), согласно которому доходность капитала (r) всегда выше темпов экономического роста (g):

$$r > g, \quad (1)$$

Одним из ключевых выводов, вытекающим из данного закона Пикетти, является утверждение, что в результате его действия капитал все больше сосредотачивается в руках самых богатых членов общества, усиливая, тем самым, его расслоение. Этот факт придает третьему закону Пикетти острое социальное звучание и превращает его в «главное неравенство о неравенстве» (*Макклоски, 2016*).

Несмотря на наличие большого числа критических работ (*Макклоски, 2016; Homburg, 2015; Wade, 2014; Galbraith, 2014*), концепция Пикетти, несомненно, является новым и значимым шагом в развитии современных теорий экономического роста. Рассмотрение экономического роста с позиций накопления и концентрации капитала позволяет не только объяснить загадки человечества, включая мальтузианскую ловушку, но и посмотреть под новым взглядом на современные проблемы экономики и общества в целом.

Так, например, в наши дни накопление и концентрация капитала, по мнению Пикетти, уже достигли некоторого предела, за границами которого могут начаться малопредсказуемые и деструктивные процессы. Нельзя назвать обеспокоенность экономиста необоснованной, поскольку уже сейчас в мире обостряется проблема перехода к «безлюдной» экономике, когда большинство рутинных операций можно будет доверить выполнять машинам, породив тем самым армию безработных (*Конанчук, 2017*). В связи с этим все активнее обсуждается идея Б. Гейтса о введении «налога на

роботов», средства от которого должны пойти на помощь людям, потерявшим работу в результате роботизации экономики (Гордеев, 2017). В 2017 г. данная идея выносилась даже на обсуждение в Европарламент, но пока была отклонена.

Тем не менее, подобное развитие событий, как минимум, позволяет говорить о трех фактах. Во-первых, в соответствии с предсказаниями К. Маркса, капитал «подминает» под себя живой труд. Во-вторых, намечается тенденция к «перекладыванию» налогового бремени с работников на сам капитал. В-третьих, в современных условиях производственные инвестиции могут способствовать не созданию, а наоборот, сокращению рабочих мест, что в свете эффекта Пикетти приведет к увеличению, а не сокращению спрэда между доходностью капитала и темпами экономического роста за счет роста первого показателя вследствие сокращения живого труда и издержек. В этом случае возрастание армии безработных может действительно спровоцировать социальный конфликт, на возможности которого настоятельно указывает Пикетти. Как не парадоксально, но в такой ситуации именно сдерживание/прекращение инвестиционного процесса и технологического прогресса может оказаться единственным решением.

Таким образом, при создании определенных условий высокая доходность может действительно оказаться ключевым, если не единственным фактором поддержания экономического роста. Тогда теория Пикетти сможет однозначно претендовать на роль ведущей и наиболее простой поликаузальной теории экономического роста.

Однако такое развитие событий маловероятно, поскольку современный мир подошел к такой стадии развития, когда могут разрушаться устоявшиеся закономерности и рождаться совершенно утопичные, на первый взгляд, инициативы. Например, в 2016 г. в Швейцарии прошел общенациональный референдум по вопросу введения в стране безусловного основного дохода в размере 2250 евро каждому гражданину общества, не зависимо от уровня дохода и без необходимости выполнения работы. Несмотря на то, что большая часть граждан (77%) проголосовало против, сам факт появления таких инициатив со стороны государства говорит о том, что современное общество достигло такого уровня благосостояния, которое перечеркивает опасения Пикетти. А это значит, что концепция Пикетти не может рассматриваться в качестве ведущей теории экономического роста.

Фактор культуры в «эмансипативной» концепции К. Вельцеля

Еще одним фактором, усиливающим свое влияние на более поздних стадиях развития общества, по мнению К. Вельцеля, является культура (Вельцель, 2017). Согласно его теории, рост материальных и интеллектуальных ресурсов формирует стремление к свободе (эмансипационные ценности), в результате которого начинает развиваться и реализовываться творческий потенциал людей, способствующий технологическому прогрессу и, как следствие, росту ресурсов – и цикл повторяется. Используя сконструированный индекс эмансипативных ценностей, К. Вельцель доказывает, что в тех странах, где он больше, выше уровень развития, в том числе и институтов. Тем самым он фактически отодвигает институциональный фактор на вторые позиции, отдавая пальму первенства фактору культуры в качестве главной движущей силы развития общества.

Немаловажное значение в своей концепции К. Вельцель отводит и географическому фактору, а точнее ее климатической составляющей. По его мнению, в относительно недавнем прошлом (XV в.) именно он оказал ключевое влияние на развитие эмансипационных ценностей в той или иной стране, однако в эпоху глобализации его роль начала существенно снижаться в силу усиления технологической диффузии между странами (Вельцель, 2017). Тем самым теория К. Вельцеля вступает в конфликт с концепцией Дж. Даймонда, согласно которой значимость географического фактора

неуклонно снижалась на протяжении последних пяти столетий. Кроме того, по мнению Дж. Даймонда, рост творческой активности провоцировали географические *проблемы* (необходимость поиска жизнеобеспечивающих ресурсов), тогда как по К. Вельцелю этому способствовало географическое благополучие. В качестве обоснования данного вывода Вельцель приводит наличие тесной связи между построенным им индексом водной автономии в прохладном климате и показателями, характеризующими развитие общества (Вельцель, 2017).

Концепция К. Вельцеля оставляет открытыми целый ряд вопросов. Например, в его работе не рассматриваются институциональные механизмы формирования эмансипационных ценностей, что, по мнению ряда исследователей, является неверным (Полтерович, 2018а). Более того, по мнению других ученых, на формирование общественной культуры могут оказывать достаточно субъективные факторы, например, наличие ярких реформаторов с прогрессивными идеями, что фактически делает данный процесс управляемым явлением (Харрисон, 2008).

Помимо этого, теория Вельцеля не отвечает на вопрос, почему в схожих климатических и географических условиях формируются абсолютно разные общества (например, Западная Европа и Китай) или, наоборот, в разных климатических условиях складывается единая общественная культура (например, Россия) (Балацкий, 2019б).

Таким образом, данная теория, как и рассмотренные ранее, не дает полноценного объяснения механизмам эволюционного развития общества, что также делает ее неподходящей на роль общей теории развития.

Теории циклов принуждения В. Полтеровича и Е. Балацкого

Одной из первых полноценных попыток создания поликаузальной теории экономического роста является концепция циклов принуждения В. Полтеровича, или теория сотрудничества (Полтерович, 2018б). Несмотря на то, что на первое место в данной концепции выводится институциональный фактор как способ сотрудничества людей, институты у Полтеровича фигурируют как промежуточный драйвер эволюции, на формирование которого в свою очередь оказывают влияние остальные факторы развития. Таким образом, согласно теории сотрудничества, эволюция общества представляется как взаимообусловленный процесс изменения четырех факторов (институтов, культуры, технологий, благосостояния) в контексте трех механизмов взаимодействия (власти, конкуренции, сотрудничества) (Полтерович, 2016а; Полтерович, 2016б; Полтерович, 2018б).

На разных этапах развития под влиянием указанных четырех факторов возникают различные сочетания трех механизмов взаимодействия, вызывая постепенный переход от принуждения (власть и конкуренция) к сотрудничеству. По мнению В. Полтеровича, усложнение социальных, технологических и экономических задач по мере развития общества требует согласованных усилий экономических институтов, в связи с чем должны включаться механизмы сотрудничества, позволяющие находить наиболее приемлемые для всех варианты дальнейшего развития общества и избегать острых социальных конфликтов.

Скорость формирования механизмов взаимодействия изначально определяется географическими факторами, однако со временем начинает доминировать экономическая логика, определяющая соотношение издержек и выгод в рамках разных форм взаимодействия.

Таким образом, данная теория, во-первых, позволяет уловить генеральный тренд зрелой человеческой цивилизации (переход к более мягким формам взаимодействия), во-вторых, рассматривает эволюцию общества не с точки зрения воздействия конкретных факторов, а как процесс их взаимодействия. Тем не менее, она не лишена и недостатков. В частности, анализ В. Полтеровича охватывает в основном только одну эволюционную

линию – постепенное ослабление степени принуждения в институциональных формах взаимодействия и не учитывает противоположную тенденцию в развитии человечества, характерную более ранним этапам формирования общества.

Восполняет данный пробел концепция циклов принуждения Е. Балацкого, в которой сочетание теории сотрудничества В. Полтеровича и психоаналитической доктрины Э. Фромма (Фромм, 2012) позволило сконструировать полный цикл принуждения (Балацкий, 2019б).

Согласно учению Фромма, в период формирования ранних государств наблюдалась обратная эволюционная тенденция – на смену эпохи сотрудничества и дружелюбия, характерной для раннего палеолита и раннего неолита, приходила жесткая конкуренция за ресурсы и власть. Это было вызвано развитием технологий и ростом богатства. Если в первобытнообщинных племенах превосходство кого-либо определялось возрастом и мудростью, то в процессе образования государств власть и привилегированное положение закрепляется за счет эксплуатации других людей (Фромм, 2012). В этот момент появляется рабство, институты собственности и, как следствие, усиление степени принуждения в институциональных формах взаимодействия.

Сочетание в концепции Е. Балацкого двух разнонаправленных тенденций, выявленных В. Полтеровичем и Э. Фроммом, позволило соединить древнейшую историю человечества с более поздними ее этапами, а также выдвинуть предположение о цикличности механизмов взаимодействия и теоретической возможности смены существующего тренда развития человеческой цивилизации в сторону усиления сотрудничества на диаметрально противоположный.

Еще одним шагом в построении ОТР можно считать разработанную Е. Балацким концепцию постоянных и переменных факторов развития, дополняющую его теорию о полном цикле принуждения. Как и ранее, в её основе заложена психоаналитическая доктрина Э. Фромма и его деление потребностей человека на постоянные (биологические) и переменные (определяемые социальными и культурными обстоятельствами). Переложив данный подход на эволюцию общества, Е. Балацкий выделил постоянные и переменные факторы развития (Балацкий, 2019б). К постоянным факторам были отнесены географические и биологические детерминанты, переменные представлены институтами, технологиями и культурой.

Подобное деление позволило объяснить разногласия, возникающие между различными теориями развития, рассмотренными выше. Так, в работе (Балацкий, 2019б) показано, что на ранних этапах развития общества определяющую роль играли именно постоянные издержки (по аналогии с приоритетом биологических потребностей человека). Это вполне логично, поскольку изначально как человек, так и общество в целом были озабочены поисками способов выживания. В этот момент географический фактор, несомненно, имел первостепенное значение: где лучше климат – там еда, где есть выход к воде – там торговля и т.п. Однако с развитием технологий и институтов всё большее значение начали приобретать социальные установки и цели, которые и определили последующее возрастание значимости переменных факторов.

Таким образом, расширение и дополнение концепции В. Полтеровича психоаналитическими аспектами позволило Е. Балацкому сконструировать эскиз новой синтетической теории экономического роста, которая на сегодняшний день является одной из наиболее полных и претендующих на роль общей теории развития.

Подводя итог, обобщим сделанные ранее выводы (табл. 1). Проведенный анализ показал, во-первых, возрастание интереса исследователей всего мира к поиску ведущих факторов эволюционного развития. В условиях замедления темпов экономического роста – это один из ключевых вопросов, требующих поиска решения. Во-вторых, все существующие на сегодняшний день концепции не дают однозначных ответов на вопрос, куда и как двигаться дальше, однако они смогли очертить круг главных

экономических детерминант, изучение которых может помочь мировой экономике выйти на возрастающий тренд. Несмотря на достоинства рассмотренных в статье теорий, они обладают определенными недостатками. Однако их синтез позволяет максимально близко подойти к решению задачи о том, какие резервы развития могут быть использованы в будущем. Скорее всего, в ближайшее десятилетие исследователи смогут найти объяснения социальным и технологическим сдвигам в истории цивилизации и на их основе определить источники и резервы дальнейшего экономического роста. На сегодняшний день максимально близко к всестороннему объяснению эволюционных процессов подошла теория циклов принуждения Полтеровича–Балацкого, которая в последующем сможет послужить основой для дальнейшего построения обобщенной модели экономического роста.

Таблица 1

Современные теории экономического роста и развития

Концепция	Доминирующий фактор	Содержание	Недостатки
«Географическая» теория Дж. Даймонда	География	Приоритет в социальном развитии общества предопределяется определенными группами природных факторов. Экономический фактор в теории присутствует в виде принципа конкуренции и рационального выбора	Ограниченность «географической» концепции Дж. Даймонда состоит в том, что она не позволяет объяснять успех стран, достигнутый в XX и XXI вв., когда на первое место вышел фактор человеческих отношений
Концепция географической детерминанты С. Кирдиной-Чендлер	География	Формирование того или иного типа институтов происходит под влиянием конкретных географических характеристик. При переходе к каждой новой стадии развития того или иного общества сохраняется преемственность институциональных достижений прошлых лет, зародившихся именно под влиянием определенных климатических условий	Отсутствие универсальности, поскольку не позволяет объяснять формирование институтов в странах поздней индустриализации, для которых характерна определяющая роль экзогенных факторов развития и практика заимствования технологических и институциональных знаний
Теория инклюзивных институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона	Институты	Экономические успехи или неудачи любой системы зависят от того, какие в ней доминируют институты – инклюзивные или экстрактивные, которые не зависят от географических факторов и формируют культуру той или иной нации	Концепция инклюзивных институтов хорошо объясняет процессы в современном обществе, но не годится для понимания прошлого и предвидения будущего. Кроме того, данную концепцию сложно назвать оригинальной, поскольку на сегодняшний день имеются теории, по крайней мере, очень близкие к концепции инклюзивных институтов

Продолжение табл. 1

Концепция	Доминирующий фактор	Содержание	Недостатки
Концепция насилия Норта-Уоллиса-Вайнгаста	Институты	Экономические успехи или неудачи любой системы зависят от того, какие в ней доминируют институты – ограниченного или свободного доступа	Концепция (также как и теория Д. Асемоглу и Дж. Робинсона) хорошо объясняет процессы в современном обществе, но не годится для понимания прошлого и предвидения будущего
«Эмансипативная» концепция К. Вельцеля	Культура	Главный двигатель социальной эволюции – лестница полезности, состоящая в том, что рост интеллектуальных, коммуникативных и материальных ресурсов ведет к формированию общих эмансипативных ценностей (стремление к свободе), которые порождают коллективные действия для обеспечения властями правовых (институциональных) гарантий свобод. Благодаря этому освобождаются творческие способности людей, что способствует техническому прогрессу, обеспечивающему рост ресурсов, – и цикл повторяется. Институциональный, технологический и географический факторы рассматриваются как элементы лестницы полезности	Концепция не дает ответов на целый ряд вопросов (например, почему в схожих климатических и географических условиях формируются абсолютно разные общества). Кроме того, в теории не рассматриваются институциональные механизмы формирования эмансипационных ценностей
Концепция ускоренного накопления капитала Т. Пикетти	Капитал	Экономический рост зависит от накопления капитала, который имеет естественную склонность к перенакоплению с образованием избыточного неравенства. Создание адекватных налоговых институтов может позволить избежать негативных последствий перенакопления капитала	В определенных условиях (например, при достижении некоего предела в накоплении и концентрации капитала) может претендовать на роль ведущей теории развития. Однако на сегодняшний день такое развитие событий маловероятно

Окончание табл. 1

Концепция	Доминирующий фактор	Содержание	Недостатки
Концепция социальной ответственности Н. Талеба	Риски	Главным фактором развития любой системы являются риски. Все эффективные решения в этом мире принимаются только людьми, в полной мере разделяющими риск от неправильно принятого ими решения. Без риска и вознаграждения за него экономическая система деградирует	Главным недостатком теории Н. Талеба является отсутствие оцифровки и интеграции в современный аналитический инструментарий
Теория сотрудничества В. Полтеровича	Институты	Рассматривает эволюцию общества как результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния в контексте трех основных механизмов взаимодействия (координации) субъектов – конкуренции, власти и сотрудничества. При этом институциональному фактору (способу взаимодействия между людьми) отводится доминирующая роль, а географическому – вспомогательная (от него зависит скорость формирования механизмов взаимодействия)	Анализ В. Полтеровича охватывает в основном только одну эволюционную линию – постепенное ослабление степени принуждения в институциональных формах взаимодействия и не учитывает противоположную тенденцию в развитии человечества, характерную более ранним этапам формирования государств
Концепция цикла принуждения; принцип постоянных и переменных факторов развития Е. Балацкого	Институты и ценности	Рассматривает эволюцию как цикличность механизмов взаимодействия конкуренции, власти и сотрудничества в результате взаимообусловленного изменения институтов, культуры, технологий и благосостояния общества; учитывает возможность изменения ключевой формы взаимодействия на разных этапах экономического развития	Слабо адаптирована к прикладному использованию. Требуется дальнейшей конкретизации и формализации

Заключение

Обобщая вышесказанное, отметим, что наиболее популярные разновидности современных теорий развития, строго говоря, не являются монокаузальными. Они не только противостоят, но и дополняют друг друга. Вполне продуктивным синтезом

всех этих учений выступает концепция циклов принуждения (сотрудничества) В. Полтеровича, которая не претендует на монокаузальность и тем самым позволяет расширить объяснительную основу.

Обобщение Е. Балацким концепции сотрудничества на более длительную ретроспективу с учетом имеющихся антропологических данных позволило идентифицировать цивилизационные циклы принуждения, связанные со сменой форм социального взаимодействия – власти, конкуренции и сотрудничества. Кроме того, это позволило показать, что поликаузальная концепция развития предполагает уменьшение со временем географического и биологического факторов по сравнению с технологическими, институциональными и культурными. Концепция циклов принуждения Е. Балацкого, дополненная принципом постоянных и переменных факторов развития, может послужить основой для последующего структурирования и моделирования взаимодействия всей совокупности факторов и построения системы макроэкономических индикаторов для оценки степени согласованности сдвигов в технологической, институциональной и культурной сферах. Принцип согласованности разнородных факторов в дальнейшем может стать основой для построения обобщенной модели экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2017). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Эксмо, 720 с.

Балацкий Е. В. (2019а). Консенсусные институты для нейтрализации неомальтузианской ловушки // *Вопросы регулирования экономики*, Т. 10, № 3, с. 23–36. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.3.023-036.

Балацкий Е. В. (2019b). Общая теория социального развития и циклы принуждения // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 156–174. DOI: 10.31857/S086904990006569-7.

Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 404 с.

Гордеев В. (2017). Билл Гейтс предложил обложить налогами труд роботов // РБК. (<http://www.rbc.ru/business/18/02/2017/58a7ee769a7947f947f9be0503587> – Дата обращения: 15.10.2019).

Даймонд Дж. (2017). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ, 768 с.

Кирдина-Чэндлер С. Г. (2018). Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики*, № 1, с. 73–88. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00005.

Конанчук Д. (2017). Пожизненный урок // *Harvard Business Review*, 01.02.2017. (<http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a18851/> – Дата обращения: 15.10.2019).

Макклоски Д. Н. (2016). Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // *Экономическая политика*, Т. 11, № 4, с. 153–195. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-4-07.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. 480 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 48 с.

Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Полтерович В. М. (2016а). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, № 5, с. 34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2.

Полтерович В. М. (2016b). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*, № 11, с. 1–19.

Полтерович В. М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*, № 11, с. 1–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-5-26.

Полтерович В. М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*, № 12, с. 77–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102.

Талей Н. Н. (2018). Рискуют собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 384 с.

Фромм Э. (2012). Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ: Астрель, 635 с.

Харрисон Л. (2008). Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 282 с.

Galbraith, J. K. (2014). Unpacking the first fundamental law // *Real-world Economics Review*, 69, 145–148.

Homburg, S. (2015). Critical Remarks on Piketty’s “Capital in the Twenty-first Century” // *Applied Economics*, 47 (14), 1401–1406. DOI: 10.1080/00036846.2014.997927.

Wade, R. H. (2014). The Piketty phenomenon and the future of inequality // *Real-World Economics Review*, 69, 2–17.

REFERENCES

Acemoglu, D., Robinson, J. (2017) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Moscow: Eksmo, 720 p. (In Russian).

Balatsky, E. V. (2019a). Consensual Institutions for Neutralize of Neo-Malthusian Trap. *Journal of Economic Regulation*, 10 (3), 23–36. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.3.023-036. (In Russian).

Balatsky, E. (2019b). General Theory of Social Development and Cycles of Coercion. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 156–174. DOI: 10.31857/S086904990006569-7. (In Russian).

Diamond, J. (2017). *Guns, germs, and steel: The fates of human societies*. Moscow: AST, 768 p. (In Russian).

Fromm, E. (2012). *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: AST: Astrel, 635 p.

Galbraith, J. K. (2014). Unpacking the first fundamental law. *Real-world Economics Review*, 69, 145–148.

Gordeev, V. (2017). Bill Gates has proposed to tax the labor of robots. *RBC*. (<http://www.rbc.ru/business/18/02/2017/58a7ee769a7947f8e0503587> – Access Date: 15.10.2019). (In Russian).

Harrison, L. E. (2008). *Who Prosper? How Cultural Values Shape Economic and Political Success*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 282 p.

Homburg, S. (2015). Critical Remarks on Piketty’s “Capital in the Twenty-first Century”. *Applied Economics*, 47 (14), 1401–1406. DOI: 10.1080/00036846.2014.997927.

Khonanchuck, D. (2017). A life lesson. *Harvard Business Review*, February 01. (<http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a18851/> – Access Date: 15.10.2019). (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. (2018). Western and Non-western Institutional Models in Time and Geographical Space. *Theoretical Economics*, 1, 73–88. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00005. (In Russian).

McCloskey, D. N. (2014). Measured, Unmeasured, Mismeasured, and Unjustified Pessimism: A Review Essay of Thomas Piketty’s *Capitalism in the Twentieth Century*. *Economic Policy*, 11 (4), 153–195. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-4-07. (In Russian).

North, D., Wallis, J., Webb, S., Weingast, B. (2012). In the shadow of violence: Lessons for societies with limited excess order of political and economic activity. Moscow: HSE, 48 p. (In Russian).

North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow: Izd. Gaidar Institute, 480 p. (In Russian).

Piketty, T. (2014). Capital in the twenty-first century. Moscow: Ad Marginem Press, 592 p. (In Russian.)

Polterovich, V. M. (2016a). Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5, 34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2. (In Russian.)

Polterovich, V. M. (2016b). Positive collaboration: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 1–19. (In Russian).

Polterovich, V. M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture? *Voprosy ekonomiki*, 11, 1–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-5-26.

Polterovich, V. M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy ekonomiki*, 12, 77–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102.

Taleb, N. N. (2018). Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. 384 p.

Wade, R. H. (2014). The Piketty phenomenon and the future of inequality. *Real-World Economics Review*, 69, 2–17.

Welzel, Ch. (2017). Freedom rising. Moscow: VTsIOM, 404 p. (In Russian).